

ДИПЛОМАТИЯ: КОММУНИКАЦИЯ И ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

«Равновесия сил» в дипломатии

В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XVII веке Франция при кардинале Ришелье предложила новый тогда подход к вопросу международных отношений, основывавшийся на принципах государства-нации и провозглашавший в качестве конечной цели национальные интересы. А в XVIII веке Великобритания разработала концепцию равновесия сил, господствовавшую в европейской дипломатии последующие двести лет. В XIX веке Австрия Меттерниха реконструировала «европейский концерт», а Германия Бисмарка демонтировала, превратив европейскую дипломатию в хладнокровную игру силовой политики.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн. Функционируя нормально, она, согласно замыслу, лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. По сути своей система равновесия сил не в состоянии полностью удовлетворить каждого из членов международного сообщества; наилучшим образом она срабатывает тогда, когда способна снизить уровень неудовлетворенности до такой степени, при которой обиженная сторона не стремится ниспровергнуть международный порядок.

На протяжении наиболее длительных исторических периодов для подавляющей части человечества типичной формой правления была империя. У империй не было никакой заинтересованности действовать в рамках международной системы; они сами стремились быть международной системой. Империи не нуждаются в равновесии сил. Именно подобным образом Соединенные Штаты проводили внешнюю политику на всей территории Американского континента, а Китай на протяжении большей части своего исторического существования – в Азии.

На Западе примерами функционирующих систем равновесия сил могут служить государства-полисы Древней Греции и государства-города в Италии эпохи Возрождения, а также система европейских государств, порожденная Вестфальским миром 1648 года. Характерной особенностью всех этих систем являлось превращение конкретного факта существования множества государств, обладающих примерно равной мощностью, в ведущий принцип мирового порядка.

С интеллектуальной точки зрения, концепция равновесия сил отражала убеждения всех крупнейших политических мыслителей эпохи Просвещения. Согласно их представлениям, вселенная, включая сферу политики, функционировала на основе рациональных принципов, уравнивающих друг друга.

Государства часто имеют стимулы проводить более состязательную политику против государств, которые, по их мнению, в большей степени угрожают их интересам. Политика, которую государства рассматривают в таких контекстах, включает увеличение производства оружия, формирование враждебных союзов, нанесение ударов первым, истощение ресурсов и присоединение к противоборствующей стороне в конфликтах. Одно из следствий заключается в том, что бесценные сигналы решимости, посылаемые противниками, могут передавать информацию в рационалистических рамках.

Вторым следствием восприятия угрозы цели, как множество ответов, заключается в том, что конфликт может произойти, когда решительные государства не передают личную информацию, даже когда они это могут сделать. Государства, которые полны решимости бороться за ряд интересов, иногда имеют стимул имитировать поведение нерешительных государств.

Для ясности, модель, представленная в этой главе, рассматривала конкретный кризис изолированно, но некоторые государственные решения имеют далеко идущие последствия, и это имеет последствия для описанной здесь динамики. Ключевым аспектом модели является возможность того, что создание угрозы может привести к результатам, которые с точки зрения угрожающего государства, позволить цели предпринять соответствующие действия. В модели конкретного кризиса это происходит из-за возможности того, что цель может выбрать подготовку к войне и, подготовившись выиграть или нейтрализовать противника. Однако, реакция цели может оказать негативное влияние на возможности сигнального, даже если война не ведется

или не рассматривается. Если цель производит оружие или формирует Альянс, ее возросший потенциал может нарушить баланс сил и привести к снижению результатов переговоров для Сигнального в будущем.

Аналогичным образом, стимулы, побуждающие находящуюся под угрозой цель в этой модели отказаться от подготовки, когда она отказывается противостоять сигнальному в конкретном кризисе, могут не сохраняться, когда принимаются решения с целью увеличения временных горизонтов. Если цель узнает от угрозы, что сигнальный определяет свои интересы как более противоположные интересам цели, чем предполагалось ранее, цель может решить сформировать союз с третьим государством, который будет наносить ущерб интересам сигнального, даже если цель не планирует оспаривать конкретный вопрос по проблематике конфликта. В этих международных контекстах динамика сигналов, вероятно, будет аналогична динамике в модели изолированного международного кризиса; будет применяться та же самая существенная логика затратной дипломатии.

Может ли информация передаваться в конкретных случаях через эту форму сигнальности? Это зависит от контекста убеждений и стратегических вариантов, в которых делаются заявления. Например, должен существовать значительный риск, но не разрыв отношений. Иными словами, должна существовать возможность того, что государство, которому угрожает опасность, будет реагировать на угрозу, не просто отказываясь сотрудничать в данном вопросе, но и в отношении других аспектов отношений. До определенного момента, чем больше вероятность разрыва, тем серьезнее его последствия для сигнального государства, тем больше изменений в восприятии цели о намерениях сигнального как результат угрозы. Однако, если вероятность разрыва слишком велика или его последствия слишком серьезны, наполненные решимостью сигнальные могут обманывать цель, воздерживаясь от угрожающего поведения при планировании атаки, тем самым заставив цель неподготовленной. Поскольку цели знают о стимулах сигнальных, эта динамика может ухудшить способность сигнального достоверно сигнализировать о мирных намерениях.

Эти соображения имеют серьезное значение для изучения Межгосударственного принуждения. Во-первых, усиление силы не всегда повышает доверие к угрозам. Поскольку, в некоторых смыслах, повышение эффективности вариантов Цели заставит государства более сдержанно угрожать, такие сигналы будут иметь больший вес, когда они фактически используются. Во-вторых, как и в некоторых моделях государственной сигнальности и сигнальностях, основанных на репутации, убеждения являются интерсубъективными. Заявления и действия других государств интерпретируются в свете устоявшихся убеждений об этих государствах, а также того, что эти государства, как известно, думают о себе. Если обе стороны понимают, что Сигнальный верит, что цель, скорее всего, отступит, например, заявления сигнального окажут незначительное маргинальное влияние на убеждения цели о намерениях сигнального. В-третьих, динамика коммуникации привносит неожиданные не монотонности во взаимосвязь между факторами, влияющими на вероятность того, что государства готовы воевать по тому или иному вопросу, и вероятностью войны. Уменьшение вероятности того, что цель угрозы готова сражаться, может увеличить вероятность войны из-за влияния предполагаемой вероятной решимости цели на возможность коммуникации. Если снижение воспринимаемого решимости цели делает невозможным влиятельную сигнальность, как это иногда бывает, это увеличивает вероятность войны. Это происходит не из-за каких-либо действий сигнального, а из-за влияния на способность государств общаться. В-четвертых, иногда решительные государства имеют стимул скрывать свою решимость, что приводит к неожиданным нападениям и войнам, которых можно было бы избежать, если бы государства просто информировали друг друга о том значении, которое они придают актуальным вопросам.

Дела 1876 и 1961 годов являются примерами частной дипломатии, но мы должны ожидать, что те же самые механизмы будут действовать наряду с другими механизмами коммуникации и в случаях государственной дипломатии. Когда президент США Джордж Буш сказал, что Иран является частью «осью зла», например, это может представлять собой молчаливую угрозу для принятия мер против руководства страны. Если бы Иран не желал выполнять требования США, он мог бы принять политику, направленную на истощение американского потенциала, например путем подрыва целей США в Ираке. Демонстрируя свою готовность пойти на риск, заявление

президента, возможно, передало информацию о решимости США форсировать изменения в иранской политике. Аналогичная динамика действовала, когда секретарь министерства обороны США Роберт Гейтс сказал, что, если Россия не согласится с западными требованиями в Грузии, «американо–российские отношения могут быть негативно затронуты в будущем». Если Россия не будет выполнять такого рода западные требования и поэтому будет считаться США более враждебными своим интересам, Россия переориентирует свою позицию в области безопасности таким образом, что это будет иметь негативные последствия для обеих сторон. Хотя такие заявления должны толковаться в свете множества факторов, включая последующее взаимодействие между государствами, повышая риск этих негативных последствий, такие заявления отражают намерение.

Обязательства бороться вместе с другими государствами являются составными элементами международного порядка. От этих обязательств зависит само существование многих государств. Бельгия существует отчасти, например, потому, что Британская безопасность зависела от того, чтобы держать территорию вторжения вне доступности от великих держав. Тайвань, Южная Корея и многие другие государства в Европе и в других странах были защищены обязательствами США. Можно утверждать, что сохранение существования большинства государств в то или иное время зависело от гарантий третьих сторон.

Однако обеспечение доверия к таким обязательствам создает особые проблемы. Государству легче убедить другого в том, что оно будет сражаться в случае нападения, чем в том, что оно будет сражаться в защиту третьего государства. Например, когда военные расходы были столь высоки во время холодной войны, почему советский союз должен был верить, что США будут защищать Западную Европу, и тем более изолированный Берлин?

Трудность убеждения противников привела к тому, что государства отправляли войска за границ, у чья роль, в случае военных действий, в основном заключалась в том, чтобы «умереть героически, драматически и таким образом, чтобы убеждать, что действие не может остановиться на этом» (Шеллинг, 1966г).

Таким образом, США разместили несколько военных подразделений в Берлине во время холодной войны и сохраняют 28500 солдат в Южной Корее сегодня. Если бы эти войска были бы атакованы, то внутренняя реакция, несомненно, подтолкнула бы администрацию США к интервенции.

Однако, в других случаях страны полагаются на частные дипломатические обязательства. Когда Германия взяла на себя обязательство защищать Австро-Венгрию, а Россия – Сербию перед первой мировой войной, это было следствием того, о чем говорили дипломаты за закрытыми дверями, и это принималось во внимание дружественными и враждебными правительствами.

Сегодня США сохраняют частичное обязательство защищать Тайвань, не размещая никаких войск на острове. Тогда от чего зависит достоверность таких обещаний?

В переговорах с участием трех или более государств механизмы сигнализации, часто доступны наряду с другими, которые были описаны в двустороннем контексте. Если интересы государств в коалиции тесно совпадают, то коалицию можно считать как единого актора. Однако, когда задействовано более двух государств, возможности для незатратной дипломатической сигнализации фактически увеличиваются.

В этой главе анализируется механизм незатратной связи между тремя или еще более государствами, что является важной особенностью многих международных переговоров: заявления третьей стороны в споре от имени «протее» заслуживают доверия, поскольку эти заявления могут иметь последствия для поведения протее.

Механизм сигнализации, который анализируется ниже, является одной из центральных проблем в литературе по обязательствам альянсов, а именно, к проблеме «провокации». Вместе с автором много и других ученых, которые исследуют вопросы, связанные с данной проблематикой. Jervis, Lebow and Stein (1985), Snyder (1997), Goldstein (2000), Zartman and Faure (2005) и т.д.

Мы уже знакомы, когда третья сторона берет на себя обязательство, эти обязательства могут воодушевить протее. В таком случае, когда одно государство ободряется поддержкой другого государства, то оно может активнее принимать действия, могущие вызвать конфликт

с противником, что приводит к ситуации, в которой третья сторона с большей вероятностью будет вынуждена к вмешательству для поддержки протееже если третья сторона действительно будет готова к действиям. В результате обязательства вести борьбу от имени других государств могут передавать информацию потенциальным противникам, даже если эти обязательства принимаются за закрытыми дверями.

На самом деле, государства иногда могут делать вывод из переговорного поведения противника, беря во внимание, есть ли поддержка от третьей стороны или нет. Такого рода обязательства представляют собой провокацию только тогда, когда третья сторона предпочла бы удержать протееже от агрессивных действий против противника, однако, в большинстве случаев, третья сторона считает, что она не в состоянии сделать это. Однако, когда третья сторона сознательно берет на себя риск конфликта путем поддержки, это является формой дипломатической сигнализации, которая, как представляется, является общей в международной политике.

Сигналы такого рода, вероятно, повлияют на расчеты противников, когда все стороны поймут, что протееже находится в процессе переговоров с противником, и в дальнейшем будут соблюдены два других условия. Во-первых, стимулирующее воздействие обязательства третьей стороны на ее протееже повышает вероятность конфликта больше, чем сдерживающее воздействие обязательства на государство-противника снижает вероятность конфликта. Это означает, что третья сторона должна быть достаточно мощной, но не настолько мощной. Поскольку увеличение мощности третьей стороны может увеличить вероятность войны. Во-вторых, интересы третьей стороны и протееже должны быть в достаточной степени согласованы.

Одним из примеров такой динамики являются трехсторонние отношения между Китаем, Тайванем и США. Вы можете поподробней ознакомиться в статье (О'Хэнлона, которая была опубликована в международном журнале «Международная безопасность» под названием «Why China Cannot Conquer Taiwan?»). И вам сразу станет понятен, внешнеполитический аспект данных государств.

Другие авторы как Benson, Brett V. и Emerson M. S. Niou также исследуют данную проблематику в статье «Public Opinion, Foreign Policy, and the Security Balance in the Taiwan Strait».

Политики Тайваня очень щепетильны к уровню обязательств США, и американские политики, как правило, стараются подтвердить некоторую приверженность защите Тайваня в случае нападения другой стороны и, в то же время, выражают поддержку политике «Китая». Если бы США открыто поддержали полную независимость Тайваня, это увеличило бы вероятность того, что Тайвань предпримет более конкретные шаги в этом направлении. Эти шаги вполне могут увеличить вероятность нападения со стороны Китая. Таким образом, в результате твердой приверженности независимости, США вполне могут оказаться вынужденными выбирать между уничтожением Тайваня и военным взаимодействием с Китаем. По этой причине, если бы США взяли на себя такое обязательство, даже за закрытыми дверями, Китайские чиновники будут правы, если пересмотрят свою оценку уровня приверженности США по защите острова.

Еще один пример из дипломатии, касательно попыток США и Израиля помешать Ирану разработать ядерное оружие. Поддержка со стороны Соединенных Штатов оказывает стимулирующее воздействие на Израиль, что, возможно, повышает вероятность возникновения конфликта в ближайшем будущем. Как и в случае с Тайванем, все стороны понимают, что, предлагая поддержку, США рискуют быть вынужденными бороться со своим союзником или отказаться от этого, и этот риск полностью отделен от любых «расходов», связанных с поддержкой, которые могут возникнуть в связи с публичными обязательствами США.

Такие риски, которые возникают в контексте многих государств, в равной степени ощущаются, когда дипломатия осуществляется за закрытыми дверями, обеспечивая дипломатическую сигнализацию.

Дипломатические сигнализации в многогосударственных контекстах

Большинство научных анализов сигнализации анализируют двусторонние контексты. Например, в труде Кроуфорда, *Pivotal Deterrence: Third-Party Statecraft and the Pursuit of Peace*. – он описывает ситуацию, когда одно государство угрожает другому государству или коалиции

государств. Посредством применения анализа Фирона, ученые смогли анализировать сигналы в контексте нескольких государств.

Появился термин «Расширенное сдерживание» – это когда государства обязуются защищать территории за пределами своих собственных границ. Исследования Хута и Русетта проанализировали влияние многих факторов на успех сдерживания, включая местный военный баланс. Следующие авторы рассматривали различные аспекты внешней политики государств, например: Вернер – масштабы принудительных требований, Данилович – геополитические интересы в регионах, а Руссет рассматривает некоторые из этих факторов в сочетании с другими.

Эта заголовочная часть опирается на данные из литературы и их выводы, однако посредством анализа, предлагаются альтернативные способы понимания влияния некоторых факторов на результаты сдерживания.

Например, Хут и Русвелт (1984), а также Данилович (2002) утверждают, что сдерживание успешно, когда «защитник» проявляет большой интерес к выживанию и продвижению протезе.

Анализ, приведенный ниже, также находит, что существенное выравнивание интересов двух государств необходимо для информативной сигнализации. Но это не означает, как предполагает Данилович, что дипломатическая сигнализация несущественна. Скорее, неопределенность относительно того, присоединится ли третья сторона к потенциальному конфликту, часто остается даже тогда, когда интересы кажутся выровненными (Gartner and Siverson 1996, Smith 1996), и именно эта неопределенность может устранить затратные дипломатические сигналы, когда у защитника есть достаточный интерес к протезе.

Анализы следующих ученых как: Маоз, Хут, Руссет, Карштен и Алэн, Лебоу и Штейн, Фирон, Тарар, обеспечивают новый взгляд на дискуссию о роли военной силы в успешном принуждении.

В модели незатратной сигнализации, когда значительная мощность является необходимым фактором принуждения, слишком высокий уровень мощности делает сигнализацию невозможной и тем самым может снизить вероятность принудительного успеха. Ученые в этой литературе признали, что расширенное сдерживание существенно отличается от двустороннего принуждения (Morgan, 1983). Общеизвестно, например, что расширенные угрозы сдерживания труднее сделать более надежными, чем угрозы защищать родину (Шеллинг, 1966). Тем не менее, исследователи не сосредоточились на том, отражают ли основные механизмы сигнализации двусторонних споров.

Например, одна модель, которая исследует трех акторов, – автором, которого является Quackenbush (2006), утверждает, что, когда два государства находятся в Союзе, и каждое из них защищает другого, только если другое государство будет защищать его, из них более надежным партнером союза будет то государство, которого третья сторона с большей вероятностью атакует. Эти исследования и несколько другие изучают динамику среди трех игроков, однако они не анализируют последствия заявления о приверженности. Это относится к следующим авторам как: Zagare и Kilgour, Вагнер, Юн, Клык, Джонсон и Лидс. Venson (2012) рассматривает модель с тремя игроками с возможностью поддержки протезе, но фокусируется на том, когда третья сторона сделает вероятностные, условные или твердые обязательства и, следовательно, предполагает, а не демонстрирует, что у третьей стороны есть такие варианты обязательств.

Возможно, наиболее похожая модель на анализируемую ниже модель незатратной сигнализации трех игроков, автором которой является Smith (1998). Эта модель показывает, как сигналы без затрат могут влиять на убеждения, но, в соответствии с двусторонними моделями сигнализации, он делает путем анализа реакции внутренней аудитории на публичные заявления о приверженности. В литературе по вмешательству во внутренние дела других государств также рассматривается динамика между тремя субъектами, в том числе, когда сигналы государства могут поощрять и вдохновлять субстратную группу, которая связана с анализом ниже.

Однако эти работы Setinyanna (2002), Kupermana (2008), Grigoryana не связывают с достоверностью сигналов. Ни одно из исследований в международной политической литературе трех или более субъектов не изучает эффект беззатратных заявлений о приверженности, которые не получают доверия от реакции внутренней аудитории на публичные действия.

Литература о доверии к обязательствам альянса также тесно связана с рассматриваемой здесь темой. Большая часть этой литературы сосредоточена на факторах, которые делают союзников более или менее вероятными для совместной борьбы (например, Снайдер 1997, Бенсон 2011), или исследует эмпирически влияют ли альянсы на расчеты противника (Хут и Рассет).

Исследования, которые непосредственно исследуют механизм, с помощью которого обязательства альянса влияют на расчеты противника, как правило, сосредоточены на общественном аспекте формирования альянса.

Как говорили: Leeds (1999), и Morrow (2000). Обязательства Североатлантического Союза моделируются таким образом, чтобы они могли передавать информацию, это в первую очередь является результатом внутренних или международных репутационных издержек, которые повлекут за собой отступление от обязательств государства.

Такие ученые как Морроу (1994), Смит (1998), также считают сигнализирующий эффект невозвратных издержек, участвующих в союзе на образование альянсов, и возросшие боевые возможности путем согласования военного планирования, а также как влияние типа режима.

Таким образом, эти исследования показывают сигнализации в множественных государственных контекстах, как, по сути, похожие на двусторонние сигнализации, применяются те же механизмы в том или ином случае.

В этой главе рассматривается механизм сигнализации, доступный только в контексте множества государств, который не зависит от репутации или затрат на обязательства альянса.

Как и в предыдущих главах, информация передается в равновесии через не затратные сигналы. Таким образом, модель помогает объяснить выводы, сделанные из частных дипломатических встреч и неофициальных соглашений (Trager, 2013).

Модель также очень похожа на другие модели двух игроков, описанные в литературе. Это дает ясно понять, что измененные эффекты незатратной коммуникации являются определенным следствием сигнальных возможностей, которые создаются, когда две стороны вовлечены.

Сделанный анализ совпадает с теоретической литературой, которая отмечает, что увеличение числа игроков может увеличить возможности для коммуникаций, и таким образом, увеличивает результаты равновесия. Однако при меньшем количестве игроков, коммуникация увеличивает набор равновесных результатов только в более ограниченном наборе игр. Данная книга устанавливает возможные последствия коммуникации без описания механизмов, которые, будут использоваться дипломатами и лидерами.

Эта глава, напротив, развивает механизм, который очень прост и отслеживает мнение лиц, принимающих решения в международной политике. Анализ также показывает, что даже в крайне враждебном контексте международных кризисных переговоров и увеличение числа участников позволяет передавать информацию для коммуникации, которая в другом случае не работает, что удивительно.

Теперь рассмотрим модели многосторонних переговоров.

Рассмотрим игру, в которой «третья сторона» (D) отправляет незатратный сигнал $M \in M$ «протееже», отмечаем его как (g.) «мишень» (t), где $0, 1 \in M$ и M является большим числом, но конечным.

Участвуют множество игроков – это $I=(d,g,t)$ с общим элементом I . После сигнала, происходит кризисная переговорная игра, которую можно рассматривать как значительно упрощенную версию игры в Пауэлле (1996).

После любого сообщения m , протееже делает требование от $x \in [0, 1]$. Если Цель принимает, риск нейтральный $1-x$ для протееже и x для цели. Если цель отклоняет предложение, протееже решает, сражаться или нет. Если протееже не сражается, статус-кво сохраняется, и выплаты за протееже и Цели равняется $q \in [0, 1]$ и $1-q$ соответственно.

Если протееже сражается, третья сторона решает, присоединиться или нет к конфликту на стороне протееже. В конфликте, вероятность победы протееже $p \in (0, 1)$, если третья сторона не присоединяется и вероятность $p_a > p$, если третья сторона (где $p_a < 1$) сделает это.

Сторона, выигравшая конфликт, выбирает наиболее предпочтительный исход в X , где 1 для протееже и 0 для цели. Третья сторона и протееже имеют одинаковое предпочтение результатов в X , но, возможно, разные издержки конфликта.

В итоге вырисовывается такая картина: если третье лицо отказывается вступить в конфликт, ожидаемая польза для протее, цели, и третьей стороны будут $P-Cg$, $1-p-ct$, $pa - cg$, $1 - pa - ct$, and $pa - cd$.

Предположим, что протее предпочитает статус-кво борьбе в одиночку и предпочтет борьбу с третьей стороной статусу-кво. Формально, это означает $p - cg < q < pa - cg$. Предположим, что затраты третьей стороны и цели на войну являются частной информацией игрока и могут быть либо высокими, либо низкими. Формально, для $i = d, t$, $c_i = c_i$ с вероятностью h_i and $c_i = c_i$.

С вероятностью $1-h_i$ where $c_i < c_i$ и h_d и h_t являются независимыми. Третья сторона предпочитает бороться с протее только тогда, когда третья сторона имеет низкую стоимость конфликта so $pa - cd < p < pa - cd$. пусть $\mu_i (m)$ будет игроком i 's с обновленным убеждением, что $cd = cd$ следует сообщению m . В контексте двух игроков, никакая информация не может быть передана третьей стороной.

Однако в контексте трех игроков это не так. Автор доказывает обратное, что может существовать полностью информативное равновесие, в котором два типа Третьей стороны посылают разные сообщения, потом, получив сообщение, оба, как протее, так и Цель точно знают, готова ли третья сторона сражаться от имени протее.

В этом равновесии заявления третьей стороны меняют действия протее, и это влияние на поведение протее изменяет стимулы третьей стороны и подразумевает, что у третьей стороны не может быть причин вводить в заблуждение цель. В правилах теоретической игры равновесие полностью разделяется: третья сторона посылает заявление о поддержке протее тогда, когда третья сторона готова сражаться на стороне протее, если это необходимо для него. Для такого рода сигнализации возможно вообще, держать несколько формальных условий. Автор стремится развивать каждое из этих условий для осуществления такого равновесия в предложении.

Во-первых, обратите внимание, что в сигнальном равновесии протее и цель должны находиться в переговорных отношениях, оптимальное поведение протее должно зависеть от его ожиданий относительно того, будет ли третья сторона предлагать поддержку в конфликте, а оптимальное поведение протее, который ожидает поддержки, должно подразумевать большую вероятность войны, чем оптимальное поведение протее, который не ожидает поддержки. Это означает, что третья сторона не может быть настолько сильной. Если бы третья сторона была настолько мощной, цель была бы полностью сдержана от оспаривания вопросов, а вероятность конфликта, когда ожидается поддержка третьей стороны, была бы равна нулю.

Для того чтобы ожидаемая поддержка со стороны третьей стороны привела к еще большему обострению конфликта, требование протее должно быть достаточно большим, чтобы существовала возможность того, что цель может отклонить требование. В равновесии, когда ожидается поддержка, Protégé должен сделать или высокое требование ($pa + ct$) или низкое требование ($pa + ct$). Если протее делает низкое требование, риск конфликта равен нулю. Таким образом, в сигнальном равновесии, протее должен быть готов сделать высокий запрос.

Другими словами, для того, чтобы сигнализация имела место, нельзя быть слишком уверенным в том, что цель является типом высокой решимости, потому что, если бы это было так, протее не был бы готов сделать высокий запрос, и ожидание поддержки третьей стороной просто позволило бы протее получить больше, не подвергаясь какому-либо повышенному риску конфликта. Если третья сторона обнаружит, что она не желает поддерживать протее, то никакого спроса на улучшение статус-кво не будет. Цель поймет, что протее предпочитает статус-кво конфликту, и поэтому цель отвергнет любое требование, тем самым, статус-кво будет результатом игры.

Анализ уравнения (4) показывает, что для того, чтобы сигнализация произошла, должно быть так, что $p < q$. Если это не так, то у третьей стороны есть вариант отказаться от помощи, если он не готов это сделать. Фактически, даже если третья сторона не желает участвовать в конфликте, все равно протее и цель будут вести войну за сохранение статуса-кво.

Это объясняется тем, что перспективы протее в войне являются достаточно благоприятными. Таким образом, сигнализация требует, чтобы состояние протее было достаточно слабым. Уравнение (4) также указывает на то, что должна быть достаточно

высокая вероятность того, что цель является более разрешенным типом. Если эта вероятность не будет достаточно высокой, то не урегулированные третьи стороны вновь окажутся слишком искушенными, исказить свою готовность поддержать своего протееже.

Когда третья сторона сигнализирует о своей готовности бороться от имени протееже, ожидаемая польза для третьей стороны является $ht(pa - cd) + (1 - ht)(pa + ct)$. Таким образом, третья сторона готова раскрыть свой тип, формула будет выглядеть вот таким образом: $ht \leq pa + ct - q \cdot ct + cd$.

Для одновременного выполнения этих условий параметры должны быть такими, чтобы правая часть уравнений (3) и (5) была больше правой части уравнения (4). Рисунок выше дает достаточные условия для этого, чтобы диапазон значений ht производил разделяющее равновесие, в котором не затратные сигналы третьей стороны передают его тип. В предложении, что p является достаточно низким, для того чтобы менее решительные третьи стороны не претендовали на разрешение и тем самым рисковали тем, что их относительно слабый протееже окажется в не поддерживаемом конфликте. Низкий CD подразумевает, что более решительная третья сторона готова нести риск войны, который влечет за собой поддержку протееже. Условие войны, ct , является результатом влияния этих затрат на качество сделки, которую протееже может нанести, не рискуя войной.

Предложение 5.1: для p, cd, ct, cg достаточно низкая, $pa + ct < 1$ и ht в среднем диапазоне существует равновесие Bayesian которая равна: $\mu_i(0) = 0$ and $\mu_i(1) = 1 \forall i$.

Когда условия, приведенные в предложении 5.1, выполняются, вероятность того, что цель будет настроена решительно, не слишком велика и не слишком мала. Тем не менее, вероятность того, что цель будет в значительной степени решительна, чтобы третья сторона всегда была готова пойти на риск конфликта, связанный с поддержкой протееже. Когда стимулы акторов находятся в равновесии, таким образом, сигнализация возможна.

Подводя итог, в сигнальном равновесии Protégé делает высокий запрос только тогда, когда он получает поддержку от третьей стороны. Цель удовлетворяет высокий спрос протееже тогда, когда цель не будет в высшей степени настроена решительно. Если протееже делает низкий спрос, цель, несомненно, согласится и на это. Если цель не примет требование протееже, а протееже получит поддержку от третьей стороны, то протееже пойдет на войну. Таким образом, поддержка третьей стороны улучшает переговорную позицию протееже, но также увеличивает

вероятность войны. Тем не менее, поскольку только решительно настроенные третьи стороны готовы втянуть своих протеже в потенциальный конфликт, сигнал третьей стороны передает информацию. Также показано, что даже если цель игнорирует частный сигнал от третьей стороны, существуют аналогичные равновесия, в которых частный сигнал третьей стороны к протеже позволяет сделать вывод о типе третьей стороны, и цель узнает Тип третьей стороны от наблюдения поведения протеже.